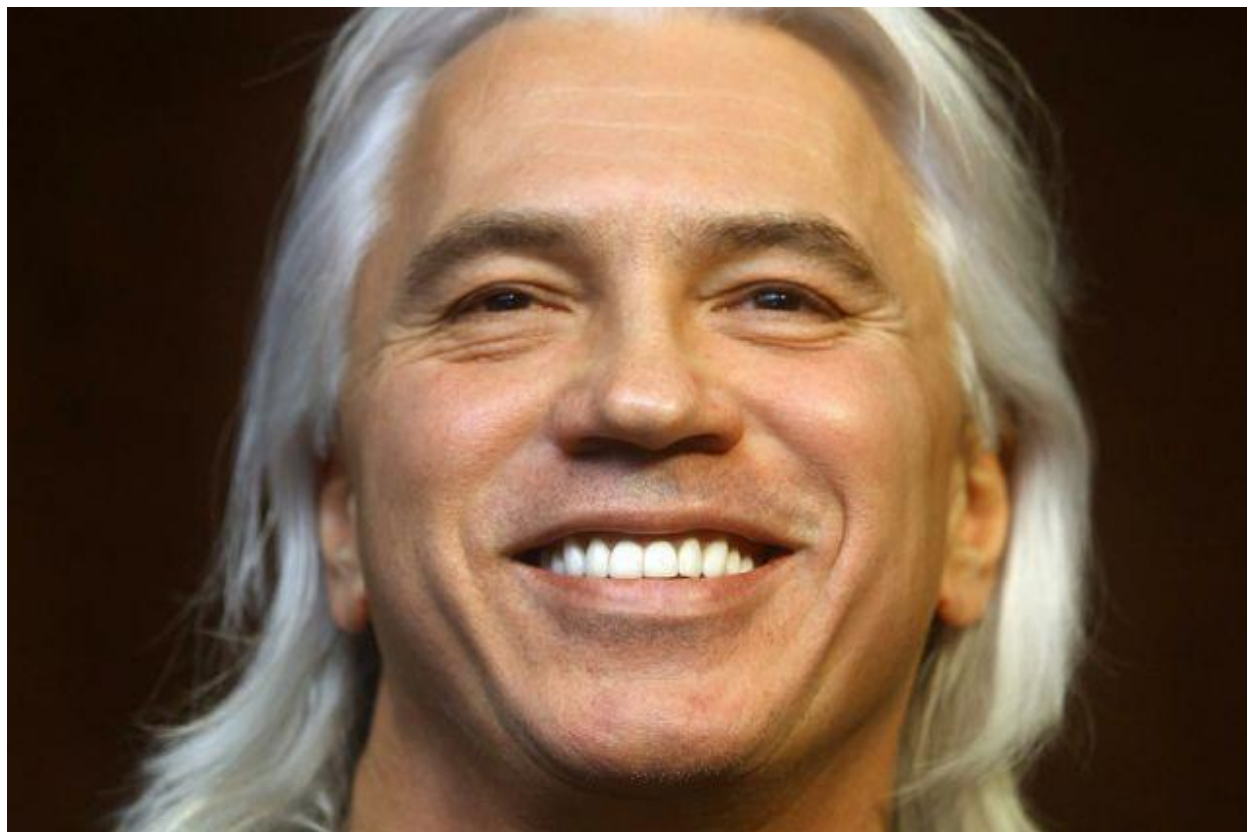

26.09.2007

Дмитрий Хворостовский: «Я - волк-одиночка»

Его называют «золотым баритоном России», «музыкальным колоссом». Он входит в десятку самых высокооплачиваемых оперных певцов мира. График его выступлений в крупнейших театрах расписан на годы вперёд. Но Дмитрий находит время, чтобы дать несколько концертов на родине. Недавно он проехал с гастролью по крупнейшим городам России, завершив их 30 сентября концертом в Государственном Кремлёвском дворце. Программа «К России — с любовью» составлена из русских романсов и песен советских композиторов.

«Пение — тяжёлый труд»

— Вы похудели, постриглись. К гастрольям готовились или новый этап в жизни?

— Про этап не сказал бы... Просто я уже довольно давно усиленно занимаюсь спортом: и в зале тяжести поднимаю, и много бегаю. От этого фигура высыхает. В принципе мне худому лучше живётся: тяжёлому человеку пробежать по несколько километров за тренировку нелегко.

Вот на такую «иглу» подсел — спортивную (смеётся). И есть в последнее время меньше стал — это я раньше объедался.

— А как же распространённое мнение о том, что хорошего оперного певца должно быть много, что голос надо кормить?

— Е-рун-да! Полная ахинея! Просто так получается, что большие, полные от природы люди обладают сильными голосами. Хотя я знаю и множество небольших, но физически крепких людей, которые прекрасно поют.

— Как работает над ролью артист или балетный танцовщик, всем примерно понятно. А оперный певец? Что он делает со своим «рабочим инструментом» — голосом?

— Оперному певцу, так же как и балетному танцовщику, необходим тренинг. Но зрителю совершенно необязательно знать о том, что происходит в репетиционном зале. Он не должен видеть изнанку моей работы. Скажу лишь, что оперное пение — достаточно тяжёлый, энергоёмкий физический процесс. Иногда видно, как певец, исполняя на сцене ту или иную арию, обильно потеет и теряет по несколько килограммов за вечер.

Публика всегда права

— В одном интервью вы сказали, что не хотели бы пойти по пути Кобзона и Магомаева, но тем не менее активно выступаете с концертами. Да ещё и на «Новой волне» спели. Зачем вам надо было участвовать в откровенно попсовом мероприятии?

— Меня туда Игорь Крутой пригласил — мы с ним хорошие друзья.

— А реноме серьёзного певца от этого не пострадало?

— А вы как считаете?

— Я считаю, что пострадало.

— А по-моему, нет. Я ведь не попсу пел, а исполнял классические произведения. И вообще я не разделяю слушателей на достойных своего выступления или недостойных. Для меня публика остаётся публикой. И она всегда права.

— Вы работаете, репетируете по многу часов, а тут приходят на сцену молоденькие поп-звёзды, пооткрывали рот под «фанеру» — и у них сразу гонорары, лимузины, толпы поклонниц. Вам не обидно?

— Чёрного лимузина у меня нет, но в принципе я могу заказать и проехаться на нём по городу (смеётся). И никакой обиды или ревности к шоу-бизнесу у меня нет. Существуют популярные жанры, в которых карьеру можно сделать достаточно быстро. В опере же надо потратить лет 20, чтобы подняться на вершину. А поднявшись, ещё и удержаться, быть востребованным.

— Чёрного лимузина — неперменного атрибута всех российских успешных людей — у вас нет. А что есть? Особняк? Навороченный телефон? Молодая жена модельной внешности?

— Жена есть — молодая и очень красивая. Флоранс — пианистка, иногда мы с ней вместе выступаем. А ещё я очень люблю хай-тек, всегда слежу за новинками и, как только появляется что-нибудь интересное, это приобретаю. У меня довольно мощный компьютер — он едва ли не мой лучший друг. Есть даже плеер, который беру с собой в бассейн. Могу плыть под водой и слушать музыку! Подобных штук я собрал достаточно много.

— У вас недавно родился в этой семье второй ребёнок...

— Да, дочка Нина. Я присутствовал во время появления на свет всех моих детей: и когда моя первая жена рожала близнецов, и четыре года назад, когда у нас с Флошей, моей второй супругой, появился Максим. А теперь Ниночка. Думаю, пока нам хватит! (Смеётся.)

— Родители Флоранс легко приняли вас, русского, в свою семью?

— Родители во всём мире одинаковы. Просто мама и папа Флоранс говорят не по-русски, а по-французски и по-итальянски. Я тоже знаю эти языки, поэтому мы прекрасно общаемся. Они принимают достаточное участие в нашей семье, но не настолько активное, чтобы мешать нам.

Я вообще живу жизнью индивидуалиста, этакого волка-одиночки. Особенно на гастролях. Я достаточно нелюдим. Окружающие это прекрасно понимают и мне не мешают.

— Сейчас русских на Западе становится всё больше — и туристы, и те, кто едет туда работать. Это идёт на пользу имиджу нашей страны?

— Я чувствую, что отношение к нашей стране становится более объективным и менее насмешливым, ироничным. Русских начинают уважать. Ведь на Запад выезжает не какой-то сброд, а профессионалы. Взять хотя бы певцов (смеётся). Нашего брата достаточно на западном небосклоне. И все прекрасно понимают, что в мире классической музыки русские были, есть и будут, что наша культура пока может это обеспечить.

— Пока — да. Но спорт уже столкнулся с нехваткой кадров — ушло старое поколение фигуристов, футболистов, а смена не пришла.

— Знаете, как вино делается? В один год вымерзли виноградники или их вырубали, как это случилось в Молдавии и на юге России во времена Горбачёва. И на несколько лет виноделие оказывается убитым. Требуется не год и не два, чтобы всё восстановилось. В спорте и в музыке происходит то же самое: пока существовали спортивные или музыкальные школы, смена поколений шла гладко. А потом всё рухнуло. Но музыкальные школы в России пострадали меньше спортивных, поэтому своё музыкальное реноме в мире мы пока удерживаем.